

Послѣдніе дни и послѣднія письма героя Шипки Θ. Θ. Радецкаго.

Въ началѣ августа 1889 года, командовавшій тогда войсками Кіевскаго военнаго округа, Θ. Θ. Радецкій, слѣдуя въ Кіево-Печерскую Лавру во главѣ, пришедшаго въ этотъ день на стоянку въ Кіевъ, 27-го драгунскаго Кіевскаго полка ¹⁾, неожиданно упалъ вмѣстѣ съ поскользнувшейся лошадью на каменныя плиты Лаврскаго двора и настолько серьезно повредилъ себѣ правую ногу, что вынужденъ былъ, по настоянію пользовавшихъ его врачей, оставаться долгое время въ кровати, а затѣмъ—на кушеткѣ, безъ всякаго движенія.

Въ такомъ положеніи провелъ Θ. Θ. Радецкій и 13-ое августа 1889 года—знаменательный для него день пятидесятилѣтія его службы въ офицерскихъ чинахъ, получивъ многочисленныя поздравленія со всѣхъ концовъ Россіи и удостоившись, нѣсколько запоздавшаго и доставленнаго только въ 11-ть часовъ вечера, Высочайшаго рескрипта, которымъ онъ отчислялся отъ должности командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа и назначался членомъ Государственнаго Совѣта.

Разлука съ любимыми и близкими ему войсками и неожиданное отстраненіе его отъ хорошо знакомой и живой дѣятельности вождя и начальника глубоко опечалили и потрясли доблестнаго Ѳедора Ѳедоровича, посвятившаго всю свою жизнь, талантъ и силы родному и понятному имъ русскому солдату. Онъ почувствовалъ во всемъ этомъ скрытую интригу, принялъ свое новое назначеніе въ Государственный Совѣтъ, какъ почет-

¹⁾ Полкъ слѣдовалъ въ Лавру подъ благословеніе кіевскаго митрополита Платона.

ную отставку, и, покорившись волѣ Монарха, выѣхалъ 30-го августа для поправленія здоровья изъ Кіева въ Крымъ, гдѣ оставался до 20-хъ чиселъ ноября.

Въ Крыму, страдая морально, онъ одновременно былъ поглощенъ и заботами объ устройствѣ своихъ денежныхъ дѣлъ. Имѣя большую семью и будучи отъ природы человекомъ добрымъ и отзывчивымъ, Федоръ Федоровичъ проживалъ и раздавалъ буквально все, что получалъ отъ казны, и не имѣлъ никакихъ средствъ, кромѣ маленькаго капитала, образовавшагося отъ продажи пожалованной ему земли на Кавказѣ и завѣщаннаго имъ еще при жизни женѣ и дѣтямъ. При такихъ условіяхъ уходъ изъ Кіева и переѣздъ на постоянное жительство въ Петербургъ или какой-нибудь другой городъ требовалъ огромныхъ съ его стороны расходовъ въ смыслѣ найма подходящей квартиры, пріобрѣтенія обстановки и обзаведенія всѣмъ необходимымъ, составлявшимъ неизмѣнную принадлежность полагавшихся ему раньше казенныхъ помѣщеній.

Ко всему этому присоединились и легкія недомоганія, не угрожавшія, впрочемъ, еще опасностью для жизни.

Измученный нравственно и физически, въ 20-хъ числахъ ноября Федоръ Федоровичъ выѣхалъ изъ Крыма сначала въ Одессу, которую рѣшилъ избрать мѣстомъ своего жительства, а оттуда—въ Петербургъ, гдѣ представился Государю, закончилъ всѣ формальности по вступленію своему въ Государственный Совѣтъ и началъ хлопотать черезъ командовавшаго тогда Императорской главной квартирой, генераль-адъютанта Рихтера, о полученіи единовременнаго пособія въ 20.000 рублей на устройство дома и хозяйства въ Одессѣ.

Къ этому времени и относятся публикуемыя ниже письма, написанныя имъ въ Варшаву ко второй женѣ его Серафимѣ Петровнѣ, рожденной Лебедевой.

Потрясеніе, вызванное неожиданнымъ уходомъ изъ Кіева, непріятныя заботы объ улучшеніи затруднительнаго матеріальнаго положенія, усиленныя хлопоты въ Петербургѣ, связанныя съ постоянными разъѣздами и волненіями, а главное—случайное выясненіе тайныхъ интригъ, вызвавшихъ отчисленіе его отъ должности командующаго войсками и назначеніе въ Государственный Совѣтъ, все это, вмѣстѣ взятое, сломили могучую натуру Федора Федоровича, неблагоприятно повліяли на дѣятельность его больного сердца и вызвали роковой конецъ, горько оплаканный лучшими людьми Россіи.

Уже 12-го декабря онъ почувствовалъ первые приступы сердечной болѣзни, но, не желая пугать жену, по свойственной ему деликатности, продолжалъ писать и телеграфировать ей въ Варшаву, что онъ здоровъ.

14-го декабря, чувствуя себя совсѣмъ плохо, онъ рѣшилъ покинуть ненавистный ему Петербургъ и выѣхалъ въ Варшаву, куда прибылъ 15-го вечеромъ, мучимый приступами сильнѣйшаго удушья.

Изъ дома родственниковъ своей жены—Лебедевыхъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ перевезенъ въ каретѣ въ гостиницу на Зеленой площади, гдѣ вызванные къ нему лучшіе врачи Варшавы—Карвовскій, специалистъ по сердечнымъ болѣзнямъ—Павинскій и Барановскій, опредѣлили у него тяжелую форму склероза вѣчныхъ сосудовъ и сердечной аорты. Съ этого момента началась борьба между жизнью и смертью; въ теченіе двухъ съ лишнимъ недѣль жестокіе припадки не оставляли измученнаго тѣла, но могучій организмъ не сдавался, и, задыхаясь, больной не терялъ сознанія и сохранялъ полную память. Въ описанный періодъ его неоднократно навѣщалъ варшавскій генераль-губернаторъ и командующій войсками Варшавскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ Гурко, бывший его подчиненный по Харьковскому округу генераль-лейтенантъ Тяжелниковъ и многіе другіе сослуживцы и почитатели, опечаленные его внезапной болѣзью.

Въ первыхъ числахъ января 1890 года Ѳедору Ѳедоровичу стало лучше, и онъ началъ просить докторовъ отправить его поскорѣе на югъ. Обрадованные наступившимъ улучшеніемъ, доктора изъявили свое согласіе, и утромъ 12-го января Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ привезенъ въ Одессу женой, дочерью, свояченицей и, специально взятымъ для этой цѣли, докторомъ Гольдъ.

Въ первый день своего пребыванія въ Одессѣ больной чувствовалъ себя хорошо, разговаривалъ, шутилъ и даже немного спалъ, полулежа, какъ всегда, на кушеткѣ.

На второй день, 13-го января, ухудшенія въ его состояніи тоже не замѣчалось. Днемъ онъ даже собирался съ визитомъ къ командовавшему тогда войсками Одесскаго военнаго округа генералу-отъ-инфантеріи Х. Х. Роопъ и, потребовавъ свой парадный мундиръ, самъ надѣвалъ на него ордена.

Наступилъ вечеръ. По настоянію Ѳедора Ѳедоровича, дочь его—Наталья Ѳедоровна и свояченица—Татьяна Петровна Лебедева отправились въ театръ, куда послѣдовалъ за ними и докторъ Гольдъ, очень скоро, впрочемъ, вернувшійся и сѣвшій

пить чай по сосѣдству въ столовой. Съ больнымъ оставалась все время жена его—Серафима Петровна.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи **Өедоръ Өедоровичъ** внезапно прервалъ начатый имъ разговоръ и судорожно откинулся на спинку дивана. Испуганная жена подошла къ нему, взяла его за руку и спросила, что съ нимъ такое.

— „Начало конца“, отвѣтилъ слабымъ голосомъ **Өедоръ Өедоровичъ**, и лицо его стало быстро блѣднѣть... На крикъ о помощи прибѣжалъ докторъ Гольдъ, черезъ десять минутъ явился, жившій неподалеку, докторъ Филиповичъ, но всѣ ихъ усилія были тщетны и не могли оживить страдальца...

Въ 11 часовъ 55 минутъ ночи благородная душа русскаго вождя и героя **Өедора Өедоровича Радецкаго** отошла къ призывавшему ее Богу...

Въ заключеніе необходимо сказать, что хлопоты **Өедора Өедоровича** о выдачѣ ему единовременнаго пособія на устройство личныхъ дѣлъ увѣнчались успѣхомъ, и еще въ декабрѣ 1889 года онъ получилъ письмо отъ командовавшаго тогда Императорской главной квартирой, генераль-адъютанта Рихтера, нижеслѣдующаго содержанія:

Многоуважаемый **Өедоръ Өедоровичъ**.

Спѣшу васъ увѣдомить, что Государю Императору благоугодно было приказать мнѣ препроводить къ вашему высокопревосходительству 25.000 рублей на устройство дома и хозяйства въ Одессѣ.

Такъ какъ денегъ у меня нѣтъ, то я написалъ статсъ-секретарю Ренненкампу и извѣщу васъ, какъ только получу означенную сумму изъ собственной Его Величества канцеляріи.

Пользуюсь случаемъ, чтобы просить васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

О. Рихтеръ.

12-го декабря 89.

Три послѣднихъ письма героя Шипки—Ө. Ө. Радецкаго.

Только въ Псковѣ я увидѣлъ чистое небо, потомъ опять пошли хмары и туманы. Въ Петербургъ я пріѣхалъ въ 5 часовъ и сейчасъ же отправился въ Грандъ-Отель. Пообѣдавши здѣсь, я поѣхалъ на телеграфную станцію, во дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича и въ главную квартиру. Узналъ, что у

Рихтера ¹⁾ надо быть въ 11-ть утра, а у Михаила Николаевича — въ 12-ть утра въ субботу. Вечерь я провелъ у Кауфмана ²⁾, игралъ въ ералашъ, при чемъ проигралъ 3 рубля, и узналъ, что Государь приказалъ къ 10.000 прибавить мнѣ еще 3.000; это на квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Въ полночь пріѣхалъ домой и легъ спать. Такъ окончилъ я первый вечеръ пребыванія моего въ столицѣ.

На другой день, т.-е. въ субботу, всталъ въ 8, умылся, одѣлся въ парадную форму, взялъ карету и поѣхалъ къ Рихтеру. Объяснилъ ему подробно мое перпендикулярное положеніе и что безъ значительныхъ субсидій отъ казны я не могу даже устроиться въ Одессѣ на жительство. Онъ обѣщалъ все это изложить предварительно Государю и сообщилъ, что въ среду 6-го декабря Государь будетъ здѣсь на полковыхъ праздникахъ нѣкоторыхъ частей, и въ томъ числѣ — Императорскаго баталіона въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ я могу представиться Ему и Государынѣ.

Отъ него поѣхалъ къ Михаилу Николаевичу, который мнѣ сказалъ, что Государь изъявилъ согласіе на Одессу, такъ что ты можешь телеграфировать Лагорио ³⁾, чтобы онъ приступилъ къ дѣлу. Вернувшись домой, надѣлъ сюртукъ и поѣхалъ къ Савельеву ⁴⁾ поблагодарить за стихи и къ Орловскому ⁵⁾, гдѣ обѣдалъ и выигралъ 6 копѣекъ. Такъ кончился второй день пребыванія моего въ столицѣ.

Сегодня, вставши, я одѣлся, умылся, надѣлъ обыкновенную форму и пошелъ пѣшкомъ къ Половцеву — государственному секретарю. Съ нимъ вмѣстѣ мы рѣшили, что я завтра буду въ засѣданіи Совѣта, гдѣ окончательно будутъ оформлены перенесеніе содержанія въ Одессу и прочія формальности.

Отъ Половцева пошелъ къ Дурново ⁶⁾ поблагодарить его

¹⁾ Командовавшій тогда Императорской главной квартирой.

²⁾ Кауфманъ, Михаилъ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, товарищъ Е. Е. по Главному Инженерному училищу.

³⁾ Лагорио, Карлъ Феликсовичъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, товарищъ Е. Е. по службѣ на Кавказѣ.

⁴⁾ Савельевъ, Александръ Ивановичъ, младшій офицеръ кондукторской роты Главнаго Инженернаго училища въ бытность тамъ кондукторомъ Е. Е. Радецкаго.

⁵⁾ Орловскій, Николай Осиповичъ, генералъ-лейтенантъ, товарищъ Е. Е. по Главному Инженерному училищу.

⁶⁾ Дурново, Иванъ Николаевичъ, статсъ-секретарь и Главноуправляющій Собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

за содѣйствіе о Сошальскомъ ¹⁾. Дурново сказалъ, что употребить все вліяніе, чтобы назначеніе его въ Польшу состоялось, несмотря на то, что поведеніе его студентомъ сильно его компрометируетъ. О Костѣ ²⁾ сказалъ, что—рано и что ему надо гдѣ-нибудь послужить, чтобы набраться житейской мудрости.

Потомъ пошелъ къ Бобрикову ³⁾, чтобы онъ пустилъ въ ходъ дѣло объ Инспекторѣ пѣхоты, но не засталъ его дома. Былъ — все пѣшкомъ — у Гирса ⁴⁾, Вышнеградскаго ⁵⁾, Обручева ⁶⁾, Михневича ⁷⁾, Леера ⁸⁾, Грессера ⁹⁾, графини Блудовой ¹⁰⁾ и проч., и проч., и проч. и пришелъ домой, гдѣ и обѣдалъ.

У меня былъ Теодоръ ¹¹⁾.

Вотъ тебѣ, душа моя, отчетъ о третьемъ днѣ пребыванія моего въ Сѣверной Пальмирѣ. Здѣсь легкій морозъ, но сухо и хорошо. Здоровъ и веселъ, чего и тебѣ съ Наташей желаю. Поцѣлуй ручки у Александры Сергѣевны ¹²⁾, Миму, Лидію и Таню ¹³⁾ милѣйшую.

Твой **Ө. Радецкій.**

Костѣ ¹⁴⁾ пишу.

Воскресеніе, 7 часовъ вечера.

Милая моя, хорошая. Я получилъ вчера вечеромъ твои два письма, изъ которыхъ видно, что тебя таки посѣтила инфлуэнція. Да и изъ приписки Наташи ¹⁵⁾ видно, что и она въ этотъ

¹⁾ Розальонъ-Сошальскій, Д. Г. — зять **Ө. Ө.**, женатый на дочери его Ольгѣ Федоровнѣ.

²⁾ К. К. Радецкій — племянникъ **Ө. Ө.**

³⁾ Бобриковъ, Николай Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ Штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

⁴⁾ Гирсъ, Николай Карловичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ.

⁵⁾ Вышнеградскій, Иванъ Алексѣевичъ, министръ финансовъ.

⁶⁾ Обручевъ, Николай Николаевичъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ Главнаго Штаба.

⁷⁾ Михневичъ, Николай Петровичъ, старшій адъютантъ Штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго округа.

⁸⁾ Лееръ, Генрихъ Антоновичъ, генералъ-лейтенантъ, профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба и начальникъ ея послѣ М. И. Драгомирова.

⁹⁾ С.-Петербургскій градоначальникъ.

¹⁰⁾ Фрейлина Государыни Императрицы.

¹¹⁾ Радецкій — сынъ **Ө. Ө.**, капитанъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

¹²⁾ А. С. Лебедева — теща **Ө. Ө.**

¹³⁾ Свояченицы **Ө. Ө.** — сестры его второй жены.

¹⁴⁾ К. Ө. Радецкій — братъ **Ө. Ө.**

¹⁵⁾ Дочь **Ө. Ө.** — Наталья Федоровна; умерла въ Омскѣ, заразившись тифомъ отъ переселенцевъ, за которыми ухаживала въ качествѣ сестры милосердія.

вечеръ не хорошо себя чувствовала. Это было 3-го декабря. Душа моя, не бравируй и не перемогайся. Это такая болѣзнь, что дня три посидѣть дома, немного хинина и пройдетъ, а если перемогаться, то можетъ произойти осложненіе.

Какъ телеграфировалъ, я вчера представлялся Государю и Государынѣ. По обыкновенію никакого разговора не было, а только — общія мѣста, но я успѣлъ поблагодарить Государя за разрѣшеніе жить въ Одессѣ. Я передъ тѣмъ говорилъ съ Рихтеромъ о моемъ перпендикулярномъ положеніи относительно денегъ, и онъ сегодня, въ четвергъ, доложитъ объ этомъ Государю и будетъ просить мнѣ на устройство 20 тысячъ. Это онъ обѣщаль. Я сегодня вечеромъ къ нему поѣду и узнаю и если Государь согласится, то я тебѣ протелеграфирую.

Съ Бобриковымъ я говорилъ объ Инспекторѣ пѣхоты ¹⁾. Это такой вопросъ, который немедленно не можетъ быть рѣшенъ, а я тогда подалъ мысль объ этомъ, которая можетъ быть осуществлена впоследствии. Денщики изъ полка будутъ. Во всякомъ случаѣ я долженъ еще буду откланяться Государю въ Гатчинѣ и такъ какъ завтра — охота и приѣма не будетъ, то придется сдѣлать это въ среду. Итакъ, душа моя милая, ты видишь, что мнѣ невозможно будетъ лично поздравить тебя съ днемъ твоего рожденія 12-го. Во всякомъ случаѣ я здѣсь ни одной минуты лишней не промедлю и вѣрь, что, какъ только можно будетъ, я стремглавъ полечу въ Варшаву. Протелеграфируй Лагорію, чтобы онъ приступилъ къ дѣлу по нашей квартирѣ и — Эллерсу ²⁾, чтобы отправилъ вещи наши посредствомъ „Надежды“ въ Одессу по адресу Лагорію и ему же отправилъ бы накладную.

Сейчасъ ѣду въ Государственную канцелярію, чтобы поторопить ее получить деньги по моему жалованію и прогонамъ. Цѣлую тебя, душа моя хорошая. Будь умница, береги себя и вѣрь моей любви къ тебѣ, моя хорошая и пригожая. Поцѣлуй Наташу и всѣхъ твоихъ.

Твой Е. Е. Радецкій.

7 декабря 89, Грандъ-Отель.

¹⁾ О предполагавшемся назначеніи Е. Е. Генералъ - Инспекторомъ пѣхоты.

²⁾ Начальникъ штаба Кіевскаго военнаго округа.

10 декабря, Воскресеніе утромъ.

Теперь, милая душа моя, сижу здѣсь и жду рѣшенія Государя, сколько именно выдать мнѣ субсидіи. Какъ я уже тебѣ писалъ, въ четвергъ утромъ Рихтеръ докладывалъ Государю въ самыхъ яркихъ краскахъ общую картину моихъ передвиженій и объяснилъ, что я остался безъ всего и мнѣ, чтобъ устроиться, надо 20 тысячъ. Вечеромъ въ четвергъ я видѣлъ Рихтера, и онъ мнѣ сказалъ, что Государь выслушалъ все это благосклонно и оставилъ докладъ у себя, не высказавъ своего рѣшенія. Въ пятницу я былъ въ Гатчинѣ и представился Государю. Онъ одобрилъ мой выборъ, т. е. Одессу, но сказалъ, что на моемъ бы мѣстѣ Онъ предпочелъ Батумъ; однако о субсидіи ни слова не сказалъ. Спросилъ, гдѣ ты. Я сказалъ, что временно въ Варшавѣ у матери, и что я на обратномъ пути тебя въ Варшавѣ заберу и вмѣстѣ съ тобой поѣду въ Одессу. Государь пожелалъ намъ хорошаго житья въ Одессѣ и отпустилъ меня. Вернувшись изъ Гатчины, я собрался пить чай, какъ вдругъ ко мнѣ пріѣхалъ Рихтеръ и расспросилъ, что мнѣ сказалъ Государь. Узнавъ суть разговора, онъ одобрилъ, что я самъ не заикнулся о субсидіи, и обѣщалъ сегодня, т.-е. въ воскресеніе, въ бытность въ Гатчинѣ Государя подогрѣть насчетъ денегъ и вырвать окончательное рѣшеніе. Завтра я буду въ Государственномъ Совѣтѣ, тамъ увижу Рихтера и узнаю все. Если рѣшится и будетъ бумага, то во вторникъ въ манежѣ по случаю Спиридона, т. е. праздника Финляндскаго полка, откланяюсь Государю и Государынѣ, получу деньги и въ среду, 13 декабря, въ 1^{1/2} дня сяду въ нашъ вагонъ и полечу къ тебѣ безъ остановки.

Цѣлую тебя. Во всякомъ случаѣ я тебѣ протелеграфирую. Сегодня цѣлый день буду сидѣть дома, отдыхать отъ мундировъ и визитовъ. Можетъ быть, Рихтеръ по возвращеніи своемъ изъ Гатчины увѣдомитъ меня о результатѣ. Я его просилъ ускорить выдачу денегъ, потому что безъ денегъ мнѣ выѣхать отсюда нельзя. Цѣлую тебя, моя прелесть. Цѣлую Наташу и всѣхъ твоихъ. Тороплюсь отправить письмо, чтобы оно пошло сегодня же съ почтовымъ поѣздомъ. Цѣлую тебя крѣпко.

Твой О. Радецкій.

Я здоровъ совсѣмъ.

Изъ Петербурга въ Варшаву. Генеральшѣ Радецкой.

12 декабря, въ 7 час. 50 мин. утра.

„Поздравляю тебя, крѣпко цѣлую. Еще не знаю когда выѣду. Скучно. Цѣлую еще. Радецкій“.

Изъ Петербурга въ Варшаву. Генеральшѣ Радецкой.

13 декабря, 10 час. вечера.

„Вѣроятно завтра 14 выѣду почтовымъ. Здоровъ. Радецкій“.

Изъ Петербурга въ Варшаву. Генеральшѣ Радецкой.

14 декабря, 12 час. 56 мин. дня.

„Гряду почтовымъ, субботу буду. Радецкій“.

Факты, приведенные въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, показываютъ довольно ясно, что внезапная болѣзнь и смерть Э. Э. Радецкаго были вызваны исключительно тѣми неблагоприятными для него обстоятельствами, въ которыя онъ былъ поставленъ къ концу своей жизни неожиданнымъ отчисленіемъ его отъ должности командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа и устраненіемъ его отъ полувѣковой и любимой имъ дѣятельности.

Вопреки негласнымъ навѣтамъ двухъ-трехъ недоброжелателей, старавшихся превратить покойнаго героя въ немощнаго старика, неспособнаго занимать порученный ему высокій постъ, Э. Э. Радецкій до ухода изъ Кіева, несмотря на свои 69 лѣтъ, былъ крѣпокъ душой и тѣломъ, сохранялъ ясный, свѣтлый умъ и оставался для окружавшихъ его подчиненныхъ образцомъ воина и начальника.

Все говорило за то, что онъ проживетъ еще долгіе годы. Но неожиданное нравственное потрясеніе, глубокая скорбь и душевныя волненія при мысли о нанесенной ему незаслуженной обидѣ были слишкомъ сильны, слишкомъ чувствительны... Они застали его врасплохъ, поразили его своей неожиданностью и, нанеся жестокой ударъ его больному сердцу, только на самомъ краю могилы побѣдили его, непобѣдимаго...

Высказанная мысль о роковыхъ обстоятельствахъ, ускорившихъ кончину доблестнаго Э. Э. Радецкаго, была подтверждена не только многими лицами, близко знавшими покойнаго, но и

такимъ авторитетомъ, какъ профессоръ Кіевскаго университета Евгенийъ Ивановичъ Афанасьевъ, изложившій свое подробное по этому поводу мнѣніе въ помѣщаемомъ ниже письмѣ къ вдовѣ О. О. Радецкаго вскорѣ послѣ его смерти.

Кіевъ, 12-го февраля.

Многоуважаемая Серафима Петровна.

Смерть дорогого Федора Федоровича была для меня неожиданностью, такъ какъ, зная состояніе его здоровья, я не могъ думать о столь быстромъ роковомъ исходѣ. Годъ тому назадъ я находилъ у него незначительныя измѣненія въ сердцѣ и сосудахъ, но эти измѣненія въ его возрастѣ не представлялись мнѣ серьезными, и я былъ убѣжденъ, что при благопріятныхъ условіяхъ онъ могъ жить еще много лѣтъ. Я лично не сомнѣваюсь, что исключительные моменты въ послѣдній годъ его жизни повліяли неблагоприятно на дѣятельность его сердца. Разумѣется, въ 69 лѣтъ всегда бываютъ измѣненія въ сердцѣ и сосудахъ, и немного нужно, чтобы этому естественному старческому процессу придать характеръ патологическій, т. е. ускорить естественный ходъ старческихъ измѣненій. Вотъ почему такихъ стариковъ, какъ покойный Федоръ Федоровичъ, нужно особенно оберегать отъ всякихъ случайностей, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ. Я вполне раздѣляю Ваше мнѣніе, что неблагоприятныя моральныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ въ послѣднее время, навѣрно ускорили наступленіе рокового исхода.

Наша социальная жизнь—безсердечна, отъ нея равнодушія и холода немало преждевременно гибнетъ людей, но въ отношеніи славнаго и доблестнаго Федора Федоровича это безсердечіе не можетъ найти себѣ оправданія ни въ чемъ.

Фактъ совершился! Дай Богъ Вамъ силъ перенести его. Надежда Александровна ¹⁾ глубоко скорбитъ о понесенной Вами потерѣ и проситъ засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія остаюсь всегда преданный Вамъ и готовый къ услугамъ Вашимъ

Евгеній Афанасьевъ.

Сообщ. А. Вольноходовъ.

¹⁾ Жена профессора.